

Исторические очерки

УДК 94(47)(=511.1)“1920/1930”

С. Карм, А.Е. Загребин

КУЗЕБАЙ ГЕРД И ЕГО ЭСТОНСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ¹

История финно-угорских стран и регионов 1920 – 1930-х гг. характеризуется созданием и строительством суверенных государств (Финляндия, Эстония, Венгрия) и советских национально-территориальных автономий. В эти годы, с одной стороны, наблюдалась активизация деятельности интеллигенции в области исследования истории и культуры своих народов, с другой – началась полоса политических репрессий в СССР, направленных против ученых-финно-угроведов и лидеров национального движения. Одним из первых судебных процессов в этом ряду стало сфабрикованное в Нижегородском ОГПУ Дело «СОФИН» (Союз освобождения финских народностей, 1932–1933 гг.), известное также как Дело Кузубая Герда.

Статья сосредоточивается на биографиях эстонских ученых и общественных деятелей, фигурирующих в судебно-следственных материалах и находившихся в переписке с К. П. Гердом. Не ставя перед собой цели углубления в подробности Дела «СОФИН», рассматриваются вопросы научных коммуникаций в период между мировыми войнами. Личные истории ученых рассматриваются в контексте дискурса науки и власти.

Ключевые слова: К. П. Герд, А. Пырк, Ю. Марк, переписка, финно-угроведение, Удмуртия, Эстония, Дело «СОФИН».

В историографии истории Удмуртии, равно как в истории финно-угорских исследований, найдется немало сюжетов, которые, будучи контекстуально обозначены, по разным причинам не получили достаточного развития. Скучность информации по тем или иным персоналиям далеко не всегда была обусловлена скромностью источниковой базы и возможностями механизмов трансляции, имея куда более осмысленные первопричины. Разгром раннего советского финно-угроведения в 1930-х гг., связанный со сменой политического курса в СССР, сопровождался постепенным свертыванием национально ориентированных проектов и декорированием актов унификации, вел к минимизации научной деятельности и гибели многих ученых, чье наследие было утрачено либо надежно скрыто [2].

Страх, на протяжении десятилетий сопровождавший все, что могло быть связано с именем Кузубая Герда, возымел свои проекции в истории и литературе Удмуртии, обозначив те линии, что удачно вписывались в предложенную властью интерпретацию. Сейчас, когда пали многие, хотя далеко не все, печати с Дела СОФИН², а «тема Герда» стала неотъемлемой частью регионального политического дискурса, открываются «герои второго плана», чья роль в судьбе ключевой фигуры выглядит если не определяющей, то, по крайней мере, достойной отдельного изучения. Круг общения К. П. Чайникова (К. П. Герда) (1898–1937) – поэта, этнографа и фольклориста, ставшего символом пробуждающейся удмуртскости, был не просто широк, он вбирал в себя сотни самых разных людей, объединенных его многогранной и разнонаправленной личностью. Открывая для себя все новые круги познания – в Вавоже, Кукарке, Малмыже, Ижевске и Москве, он находил тех собеседников, что помогали ему овладеть навыками исследователя, бытописателя и публичного человека [1]. За короткое время пройдя путь от краеведа-любителя и певца родной стороны до профессионального ученого – финно-угроведа и лидера удмуртского литературного движения, Герд был рад любой возможности интеллектуального общения,

¹ Статья подготовлена в рамках гранта № 9271 Эстонского научного фонда «Этничность, нациестроительство и национальная политика в советской и постсоветской России на примере финно-угорских народов» и при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 12-П-6-1011 «Этнокультурное наследие Камско-Вятского региона: источники, материалы, исследования».

² В обвинительном заключении по Делу «СОФИН» отмечалось, что известным удмуртским буржуазным писателем К.П. Гердом была создана по заданию финских и эстонских интервенционистских кругов «контрреволюционная националистическая организация», деятельность которой направлена на отторжение Удмуртской автономной области и других автономий (Марийская, Мордовская, Карельская, Коми-Зырянская) от СССР и создание «Единой финно-угорской федерации» под протекторатом Финляндии. Аресты продолжались до конца 1930-х гг., в результате было физически и морально уничтожено первое поколение интеллигенции финно-угорских народов России. Реабилитация осужденных прошла в основном в 1956–1958 гг. [3].

поддерживающей его веру в свое предназначение. Свидетельство тому – знакомство и совместная работа со столичными учеными и поэтами, встречи и переписка с финскими и эстонскими этнографами и лингвистами, приведшими удмуртского аспиранта в мир большой науки и литературы.

В этой статье мы постараемся рассказать об эстонских знакомых К. П. Герда, переписка с которыми способствовала его вхождению в систему отношений, сложившуюся между учеными, политиками и общественными деятелями, заинтересованными в финно-угроведении³.

Александр Пырк

Главным «эстонским шпионом» по Делу «СОФИН» проходил Александр (Перк, Пэрк) Пырк (*Aleksander Põrk*) – личность в российских научных кругах почти незнакомая, «преданный забвению герой-интеллектуал» [10]. В эстонских биографических словарях и иных публикациях обычно пишется, что он был историком, коллекционером и учителем. Особо отмечается его связь с эстонской национальной религией *maausk/taaraus* [12. Lk. 254].

В архиве Эстонского Национального Музея (далее ЭНМ) хранится небольшая тетрадка, на титульном листе которой есть запись «E. Varia 7/2» и уже позднее добавлено «A. Põrki elulugu» (E. Разное 7/2. Биография А. Пырка), – это копии автобиографии А. Пырка от 31 июля 1931 г. и описание его жизнедеятельности, подготовленное, по всей видимости, Обществом эстонской литературы, дата составления не указана [14]⁴.

Итак, что же можно узнать об А. Пырке «из первых рук»? (Перевод копии автобиографии приводится в полном виде курсивом, авторские комментарии в квадратных скобках без курсива):

Curriculum vitae

Родился в 1873 году в Вильяндимаа сыном крестьянина; среднее образование получил в Риге, высшее – в Петербургском и Тартуском университетах, где прослушал лекции на физико-математическом и историко-филологическом отделениях (1895–1903). В годы студенчества принимал участие в общественной жизни, выступая с докладами в обществах «Таара»⁵, «Ванемуйне»⁶, Обществе друзей трезвости⁷ и на сельскохозяйственных выставках в Тарту, Выру и других местах. В летние каникулы моим важнейшим заданием был сбор предметов старины в Эстонии и поездки в Финляндию с целью ознакомления с нею. После окончания в 1903 году университета с золотой меда-

³ М. Фуко отмечал, что интеллектуалы являются частью системы власти, да и сама идея, что они служат носителями «совести» или «сознания», также является частью этой системы. Для интеллектуала занятие политикой традиционно и обусловлено его положением в обществе, в системе производства, в идеологии, которую оно производит или навязывает, и его собственным дискурсом в той степени, в какой он открывает определенную истину и находит политические отношения там, где их не замечают [15. Lk. 49].

⁴ Можно предположить, что «Обращение» было составлено в 1931 г., когда А. Пырк искал работу. С 1932 г. он жил и работал в Тюри. В конце документа имеется заключенная в скобки запись «А.П. умер в 1933 г. в Тюри» и отдельно «Скопировано 29 апреля 1937 года в Таллинне, Айа 21-11. Х. Куррик». Сотрудница ЭНМ Хельми Куррик занималась инвентаризацией и описанием этнографической и культурологической коллекций А. Пырка, вопросами приобретения которых ЭНМ стал заниматься сразу после его смерти в 1933 г. Коллекция была унаследована супругой собирателя Паулине Пырк и поступила в музей в 1937 г. К сожалению, составленные собирателем каталоги коллекций так и не нашлись, и к настоящему времени коллекция практически не аннотирована. Переписка ЭНМ с П. Пырком, с Министерством образования и др. инстанциями по приобретению коллекции А. Пырка хранятся в музейном архиве [17].

⁵ Спортивное общество Таара (первоначально Общество юрьевских велосипедистов Таара – *Jurjevi Jalgrattasõitjate Selts Taara*) создано в 1897 (1898) г. для объединения эстонских велосипедистов и усовершенствования их навыков. Однако основной целью Общества было сохранение эстонской нации и ее духовное развитие, для претворения которого проводились разные тематические вечера и праздники, были разрешены и общественные игры [25].

⁶ Созданное в 1865 г. Общество «Ванемуйне» (*Wanemuise/Vanemuise Selts*) сначала действовало как общество хорового пения, проводившее тематические вечера, доклады, праздники, выезды с целью популяризации эстонской культуры. Общество стало основоположником эстонского театрального движения, по инициативе и при участии общества был проведен и первый Всеэстонский певческий праздник в 1869 г.

⁷ Общество друзей трезвости – *Karskuse Sõber* – действовало в Тарту в 1891–1940 гг. Кроме пропаганды трезвого образа жизни, общество проводило тематические вечера, активно занималось популяризацией национальной культуры, хорового пения и театральной жизни.

лю за работу «*Bellerophon vanas Kreeka kunstis ja luules*» [Беллерофонт в древнегреческом искусстве и поэзии], где привел параллели и сравнения из эстонской и финской мифологий (вопросы Беллерофонта), в том же году приступил на госслужбу ассистентом кафедры истории искусств Московского университета и консерватором, точнее заместителем директора Художественного музея имени императора Александра III при Московском университете [официально Музей изящных искусств имени императора Александра III при Московском Императорском университете, в настоящее время Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина]. Выполняя эту должность, у меня оставалось время и для учительской работы в нескольких государственных и частных учебных заведениях, при этом часто участвовал при экзаменах и ревизиях школ. Летнее время обычно пользовал для сбора этнографических предметов в Эстонии, Финляндии, Лапландии, на волжских землях у финно-угорских народов, в Крыму и других местах. Моя дальнейшая общественная жизнь была связана с Московским эстонским обществом (*Moskva Eesti Selts*), Объединением московских студентов (*M. üliõpilaste ühing*) и Обществом единения народностей России, после создания [Эстонской] республики также и с организацией эстонской школы в Москве. Такая деятельность в Москве и заметное участие в судьбах родственных народов на их конгрессах на волжских землях (Казань, Бирск, Елабуга, Алатырь) и Москве дали повод большевикам в годы подъема их власти заподозрить меня, дважды арестовать и держать в тюрьмах Бутырки (1918) и Сокольниках (1920). После освобождения я все-таки смог продолжить учительскую работу, после предоставления новому правительству письменных экзаменационных работ, давших мне право работать учителем истории советских школ II степени. После признания Эстонской Республики Российскими Советами, я вернулся на родину и начал работать в средних школах Таллинна, будучи одновременно учителем истории в вечерних школах и общеобразовательных гимназиях. Время от времени работал и в других учебных заведениях, например, лектором истории, психологии и этики в Эстонском объединенном военном учебном заведении. Моя общественная жизнь в Эстонии развивалась вне политических группировок и партий, в основном в культурно-исторических обществах, предпринимательствах и стремлениях, особенно в русле содействия продвижению эстонской *своей* культуры⁸.

В опубликованных трудах стремился объяснить на примере языкознания, археологии и этнографии прошлое нашего народа. Из этого стремления появились мои опубликованные книги «Систематический курс немецкого языка со сведениями из истории готского и древне- и средневерхненемецкого языков» (*ahd mhd got*); «Историческая хрестоматия готских, древне- и средневерхненемецких текстов», Москва 1910; «*Eesti ajalugu I. Vanem iseseisvuse aeg*», Tallinn 1927; «*Eesti ajalugu II. Ordu, Taani, Poola ja Rootsiaeg Eestis*», Tallinn 1927. Готова к печати „*Eesti ajalugu III. Veneaeg Eestis*“ [учебник по истории Эстонии в 3 частях] и другие работы.

После закрытия Таллиннской общей гимназии и в результате сокращения школьной сети теперь я вынужден искать работу вне бывших до сих пор мест своей деятельности.

Александр Пырк, 31 июля 1931» [14. Лк. 1-4].

Автобиографию А. Пырка дополняют материалы «Обращения» [14. Лк. 5-21]. Отсюда узнаем, что он был пятым ребенком в семье. Семья осталась без отца, когда ему исполнилось пять лет. По примеру двух своих братьев, Александр окончил десятилетний курс Рижской церковной школы и семинарии (получил православное образование). В 1895 г. поступил на физико-математическое отделение Санкт-Петербургского университета, здесь после окончания местного ремесленного училища уже жил его младший брат Николай, смогший содержать брата-студента. Однако влажный петербургский климат не подошел Александру, и в 1887 г. он перевелся в Юрьевский (Тартуский) университет. Помимо математики, слушал исторические и филологические курсы и философию, историю искусств и археологию. Уже в годы студенчества провел ряд собирательских экспедиций в разных уездах Эстонии, а также в Финляндии (1899, 1902) и на Ижоре (1901). Часть собранных коллекций

⁸ В эстонском варианте использован термин «*eesti omakultuur*» (буквально: эстонская своя культура), имеющий национально-романтическую окраску и в начале XX в. использовавшийся также в качестве синонима или параллельно с термином «*rahvuskultuur*» (национальная культура). Начавшееся с конца XIX в. движение содействия «своей культуре» означало изучение прошлого народной культуры (одежда, архитектура, танцы, песни, религия, обряды и т.д.), стремление к сознательному, программному и всестороннему использованию национальных культурных традиций в разных областях жизни, а также создание новой эстонской культуры, отвечающей требованиям времени. Одним из направлений этого движения было конструирование эстонской религии *maausk/taarausk*, одним из вдохновителей которой называется А. Пырк. Подробнее: [22; 28].

А. Пырк передал Национальному музею Финляндии, составив здесь в 1902 г. совместно с А. О. Хейкелем эстонскую выставку.

По окончании университета (1902 г. – филологическое отделение со степенью кандидата филологии, 1903 г. – историческое отделение) А. Пырк был приглашен на должность ассистента профессора искусствознания Московского университета. Уже работая в Москве, он отправил в Тарту свою научную работу, посвященную истории Трои по данным археологии, за которую удостоился в 1904 г. степени кандидата истории. В 1912 г. Пырк получил также диплом учителя немецкого языка. Будучи консерватором Кабинета изящных искусств и ассистентом профессора Ивана Цветаева, он активно участвовал в строительстве и организации Музея изящных искусств.

Будучи в Москве, А. Пырк продолжал свои летние собирательские поездки. Так, провозжая в 1905 г. брата Николая на русско-японскую войну, он побывал у зауральских чувашей и марийцев Уфимской и Казанской губерний, в 1906 г. предпринял поездки в Польшу и Литву, в 1908 г. был в саамских землях, в 1911 г. – в Крыму и т.д., объединяя собирательскую работу с исследовательской.

В контексте Дела «СОФИН» небезынтересно проследить его общественную деятельность. Вероятно, для советских властей именно активное участие А. Пырка в работе разных обществ и съездов послужило поводом для включения его в число участников созданной органами ОГПУ «контрреволюционной националистической организации». В вышеназванном «Обращении...» имеются следующие подробности. Оказывается, что А. Пырк был не просто связан с Эстонским обществом в Москве, но и долгое время входил в состав его руководства; с помощью Пырка было официально зарегистрировано Общество эстонских студентов в Москве⁹.

Особо следует остановиться на его работе в Обществе единения народностей России¹⁰. В биографическом словаре отмечается, что А. Пырк был его членом в 1906[?]-1914 гг. [11. Lk. 252]. В «Обращении» сообщается, что «здесь действовали представители многих народностей России с целью сохранения народов в составе России с предоставлением им самостоятельности путем самоопределения». В числе активных деятелей Общества называются такие свободомыслящие люди, как ректор Московского университета профессор Мануйлов и граф Львов [14. Lk. 11-12].

Будучи сторонником национально-культурного самоопределения народов, А. Пырк не мог пассивно относиться к судьбе родственных финно-угорских этносов. Не случайно он представлял Московское эстонское общество и эстонцев вообще и на первых съездах марийского (Бирск, 1917), удмуртского (Елабуга, 1918), мордовского (Алатырь, 1918) и татарского народов (Казань, 1918), передав участникам съездов как приветствия от Эстонского общества, так и познакомив их с исторической судьбой и современным положением эстонского народа. Однако письменные приветствия волжских народов эстонцам ему удалось передать только в конце октября 1920 г., когда после разрешения разных проблем, в том числе перевозки из России собранных им коллекций, он смог вернуться в Эстонию.

По возвращении на родину А. Пырк полностью посвятил себя культурно-просветительской деятельности, став в 1925 г. одним из основателей Эстонского культурно-исторического общества в Таллинне (*Eesti Kultuuriajaloo Selts*) – общество, например, было организатором мероприятий по увековечению памяти о восстании Юрьевой ночи 1343 г. Резонанс в местной печати получил его брак с воспитанницей Таллиннской вечерней школы 28-летней Паулине Тарбе (Тарба) 16 сентября 1928 г. – это была первая свадьба, проведенная по старым эстонским свадебным обрядам, в духе национальной неоязыческой религии [27. Lk. 3]. В дальнейшем у него возникли разногласия с другими идеологами эстонского неоязычества, потому он остался в стороне от этого религиозного движения [9. Lk. 120].

⁹ Московское эстонское студенческое общество (*Moskva Eesti üliõpilaste Selts*) было организовано в 1907 г. с целью поддержки своих членов и развития контактов между студентами эстонского происхождения, Общество прекратило существование в 1917/1918 учебном году [13. Lk. 1335].

¹⁰ В октябре 1909 г. в газете «Московские ведомости» появилась заметка под названием «Общество единения народностей России», в которой отмечалось: 25 октября 1909 г. состоялось первое общее собрание вновь учрежденного Общества единения народностей России. Председателем собрания был избран Г. В. Вульф, который произнес речь о задачах нового Общества. Изучение истории, быта и нужд всех народностей, в целях взаимного их культурного сближения, экономического и правового преуспевания, а также и в целях развития общегосударственного сознания при полном уважении к индивидуальным особенностям каждой национальности – такова цель учреждения нового Общества. В члены правления избраны преимущественно кадеты и разные инородцы. (Московские ведомости. 10 ноября 1909 г.) Цит. по: URL: <http://starosti.ru/article.php?id=21524> (дата обращения 06.08.2013). Общество издавало ежемесячный журнал «Народы и области». М., 1914 г., вышло 8 номеров. См.: Сводный каталог периодики до 1917 г. URL: <http://www.booksite.ru/peri/n.htm> (дата обращения 06.08.2013).

Забегая вперед, отметим, что похоронен он был по канонам православной церкви, отпевание прошло в церкви св. Александра Невского в Таллинне [10].

О политической ориентации А. Пырка в 1920-е гг. пишется: «Так как наши политические партии не проявляют интереса к самобытной культуре Эстонии, то и А. П. не проявлял желаний искать сближения с этими партиями. Боясь того, что межпартийные склоки могут поколебать уважение нашего народа к существованию и деятельности по сохранению суверенной государственности и в итоге могут стать роковыми для нашего государства, А. П. не принимает участия в деятельности ни одной из партий, оставаясь нейтральным...» (Там же. С. 19). Отсюда невольно возникает вопрос: было ли это разочарование происходящим или только проявлением глубокого национально-романтического идеализма историка и филолога, владевшего шестью языками? Познакомившись с биографией и публикациями о нем, представляется, что к концу своей жизни он чувствовал себя невостребованным и забытым обществом, – не потому ли свою богатую культурно-этнографическую коллекцию и библиотеку он передал по завещанию не музеям и др. организациям, а своей супруге [23]. «Его идеи, порой становившиеся для некоторых мишенью насмешек и издевательств, останутся жить на страницах истории, а именно на страницах Эстонской истории. Дорогой покойный – Александр Пырк – горячо соперничал, жил и трудился во благо эстонского народа. <...> Беспокойный искатель, человек красивых убеждений и идеалист-трудолюбивый», – так его характеризовала в некрологе «Учительская газета» [21. Лк. 4].

В контексте связей К. Герда с А. Пырком интересна заметка о письмах некоторых иностранцев Кузебаю Герду, напечатанная в газете «Советской Удмуртия». Автор заметки отмечает, что копии писем, адресатами которых названы эстонец А. Перк и венгр Карша Тамаш, обнаружены в архиве В. И. Недзвецкой в Москве [5].

В данном случае обратимся к письму, отправленному К. Герду из Таллинна в декабре 1925 г. и подписанного «Вечно ваш А. Перк». В письме, в котором Пырк обращается к Герду по имени-отчеству, сообщается, что он получил его письмо с новостями о его жизни и о жизни удмуртского народа. Пырк пишет, что в Эстонском посольстве Герд сможет получить визу, там же для него выделены деньги – 5 червонцев, и что письмо с просьбой разрешить его поездку в Таллинн отправлено в Москву, в Вотское отделение Главнауки. Если его не пустят в Эстонию, то деньги можно будет использовать для покупки книг. Одновременно Пырк просит, чтоб Герд заранее сообщил о своем приезде в Ревель и подготовил темы и тексты лекций, которые он собирается прочитать, – они нужны будут для перевода на эстонский язык и подготовки публикаций. Хорошо было бы получить и слова песен (последние он надеется найти и в названной ниже книге Курочкина), которые эстонцы смогли бы петь в начале или конце лекций. Он также пишет, что они готовы купить 50 экземпляров издания «Вотяки»¹¹, ему лично хотелось бы получить также ряд книг, которых у него еще нет. Называются словарь удмуртского языка, а также книги таких авторов, как Емельянов¹², Фирсов¹³, Курочкин¹⁴. Даже этот небольшой список свидетельствует о хорошей осведомленности А. Пырка об удмуртских изданиях того периода.

Юлиус Марк

Наравне с Александром Пырком, из плеяды молодой эстонской научной интеллигенции в списке «активных членов СОФИН» был включен лингвист Юлиус Марк (*Julius Mark*).

Несмотря на то, что академик Пауль Аристэ называет Ю. Марка самым замечательным финно-угроведом первой половины XX в., его имя сегодня известно преимущественно специалистам-

¹¹ К сожалению, из текста письма не ясно, кто подразумевается под «мы». Это могло быть как Эстонское культурно-историческое общество, так и Общество учителей в Таллинне, активным членом которых был А. Пырк. Следует обратить внимание, что к моменту написания письма – декабрь 1925 г. – книга «Вотяки» еще не была издана (Вотяки. Книга первая. Сборник по вопросам быта, экономики и культуры удмуртов / под ред. К. П. Герда и В. П. Налимова. М.: Центральное изд-во Народов Союза С.С.Р, 1926).

¹² Емельянов А. И. Курс по этнографии вотяков. Вып. 3. Остатки старинных верований и обрядов у вотяков. Казань: Изд-во Казанского Вотского изд. подотдела, 1921.

¹³ Фирсов Н. Н. Чтения по истории Среднего и Нижнего Поволжья: VII–XVII вв. Казань: Госиздат, 1920.

¹⁴ Курочкин М. Кубыз: сборник вотских мелодий Малмыжского, Можгинского и Казанского уездов. Ож завод: Удкнига, 1925.

филологам¹⁵ [7. Lk. 384]. В эстонской научной периодике имеется ряд статей, появившихся по поводу его 50- и в канун 100-летнего юбилеев [24; 6], а также некролог и мемуары об учителе, написанные П. Аристе [8].

Опираясь на имеющиеся данные, сообщим основные вехи его биографии – Юлиус Марк родился 27 марта 1890 г. в д. Идавере Хальялаской волости Вирумаа в семье хуторянина. В 1911 г. он окончил Александровскую гимназию в Ревеле и лето того же года провел в Финляндии с целью изучения финского языка. Свое академическое образование Марк начал в Юрьевском университете (изучал сравнительное индоевропейское языкознание и древние языки), но уже с осени 1912 г. продолжил учебу в Гельсингфорском университете, специализируясь по финно-угорскому языкознанию. Однако окончить университет ему удалось только в 1918 г., так как во время Первой мировой войны он был мобилизован в армию, в ходе Освободительной войны в 1919–1920 гг. служил в Министерстве военных дел Эстонской Республики. В 1919 г. Марк получил ученую степень магистра Хельсинкского университета (тема его магистерской работы была связана с мордовскими языками, а исследование получило высшую премию консистории университета). Наличие степени дало ему возможность уже осенью 1919 г. быть утвержденным в должность исполняющего обязанности профессора языкознания Тартуского университета. Однако к работе он приступил только осенью 1921 г., после подготовки к печати докторской диссертации «Die Possessivsuffixe in der uralischen Sprachen» (притяжательные суффиксы в уральских языках), защита которой состоялась в Хельсинки в сентябре 1923 г. В ноябре того же года Ю. Марк был избран ординарным профессором языкознания (уральские языки) Тартуского университета, где проработал до своей эмиграции летом 1944 г. Последние годы жизни он провел в разных странах – в Германии, Дании, США, оторванный от своей семьи, народа, любимой работы. В разные годы он преподавал в разных университетах США русский, финский и эстонский языки. Юлиус Марк умер в Вашингтоне 2 марта 1959 г.

Будучи профессором университета, Ю. Марк читал лекции по фонетике и морфологии финно-угорских языков и отдельные лекции по венгерскому, мордовскому и саамскому языкам, в 1930-е гг. добавились также лекции по пермским (коми-зырянскому и удмуртскому) языкам. Кроме того, Марк организовывал специальные чтения коми-зырянских и удмуртских текстов. Как педагог, он был требовательным в отношении научной дисциплины и отличался ясной (четкой, доходчивой, отчетливой) манерой изложения материала. Кроме университетских лекций, он часто выступал с научными докладами и участвовал в заседаниях Эстонского ученого общества (*Xpetatud Eesti Selts*).

Для его научных работ характерны системность и качественный анализ источниковой базы. Следует отметить, что сбором и изучением языковедческого материала он тоже занимался очень системно, предприняв ряд научных поездок. Так, по окончании гимназии летом 1911 г. Марк побывал в Финляндии, где изучал финский язык. Летом 1912 г., будучи студентом, совершил поездку в Венгрию с целью изучения венгерского языка. Результатом стала антология венгерской литературы (сборник авторизованных переводов с кратким обзором венгерской литературы был опубликован в 1914 г.).

В 1912–1913 гг. Ю. Марк собирал диалектологический материал на северном побережье Эстонии, в начале 1915 г. – у раненых солдат, из числа российских финно-угров, в госпитале Хельсинки. Рубеж 1924–1925 гг. ученый встретил в Финляндии, собирая языковедческий материал, тогда же удалось ему расспросить и одного коми информанта. Лето 1924 г. Ю. Марк провел в Венгрии, в 1925–1926 гг. при поддержке эстонского правительства и Тартуского университета он совершил две экспедиции к финским саамам.

В марте 1928 г. Ю. Марк заявляет Тартускому университету о желании поехать в Россию для исследования мордовских языков (закончить работу, начатую еще в 1915 г.), а также, если удастся, привезти специалиста по мордовским языкам в Эстонию, чтобы продолжить здесь свою работу¹⁶. Од-

¹⁵ Вот небольшой список занимаемых Ю. Марком должностей: декан философского факультета Тартуского университета (1924–1925, 1938–1939), главный редактор журнала „Eesti keel“ (Эстонский язык, 1923), председатель Эстонского ученого общества (*Õpetatud Eesti Selts*, 1929–1936), председатель Эстонского комитета финно-угорских исследований (с 1930 г.) и вице-президент Эстонской Академии наук (1938–1940). Вышеназванный журнал и общества ставили своей задачей содействие развитию наук, связанных с эстонским народом, языком и литературой, а также исследованием финно-угорских культур.

¹⁶ Поддержка в обучении в Тартуском университете носителей финно-угорских языков с дальнейшей целью привлечения их к составлению словарей и других научных изданий была одним из направлений деятельности созданного в 1921 г. Академического общества родного языка (*Akadeemiline Emakeele Selts*). Так, в 1921 г. было

нако разрешение от советских властей для въезда в страну было получено только в начале ноября, и Марку удалось пробыть в России всего лишь два месяца, с начала декабря 1928 по начало февраля 1929 г. В отчете о поездке Марк отмечает, что в Ленинграде он проработал мордовские материалы в отделе рукописей и кабинете инкунабула Библиотеки Академии наук, в Публичной библиотеке, библиотеке Русского Географического Общества, а также познакомился с собраниями Азиатского музея. В Москве ему удалось поработать с информантами – носителями мордовских языков и сделать записи по заранее подготовленным программам и даже проболеть неделю. Кроме того, в обоих городах он прочитал доклады по уральским языкам (к сожалению, Марк не называет ни своих информантов, ни того, где он выступал с докладами). Он пишет, что летом хотел еще раз попасть в Россию, но не попал, попробует еще раз [20]¹⁷.

По свидетельству коми-филолога В. И. Лыткина, данному им в рамках следствия по Делу «СОФИН», он встречался с Ю. Марком в Институте народов Востока, куда последний приходил для выступления с докладом. Годами пребывания эстонского ученого в Москве указаны 1929–1930 гг. [З. С. 240-241].

Отступив от темы, обратим внимание, что В. И. Лыткин побывал и в Эстонии в конце декабря 1926 – начале января 1927 г., затем стажирясь в качестве стипендиата в университетах Хельсинки и Будапешта. Будучи в Тарту, он выступил с докладом на заседании Академического клуба, основанного в 1923 г. на базе действующего с 1920 г. при Тартуском университете Эстонско-Финского студенческого клуба. Академический клуб родственных племен (*Akadeemiline Hõimuklubi*) являлся тогда центром финно-угорского движения в Тарту. Свои впечатления о посещении Эстонии Лыткин оставил в дневнике, который вел во время пребывания за границей (1926–1928 гг.). Так, он пишет, что 27.12.1926 г. (на самом деле заседание было 28.12.1926 г.) выступил в Академическом клубе с докладом о коми, где слушателей было около 150 человек. Выступление длилось около двух часов, в конце он показал и диапозитивы. Ученый отмечает, что слушатели удивились, что у коми очень большие избы, и задавали разные вопросы: курят ли коми девушки; влияет ли Коминтерн на коми студентов; советская ли власть в Коми области; какие партии представлены в парламенте? В своем дневнике В. И. Лыткин называет преподавателей Тартуского университета и общественных деятелей, с которыми он встречался в Тарту, в числе которых упоминается и Юлиус Марк [18. Lk. 306-307].

Посещение Эстонии видным финно-угорским исследователем не осталось незамеченным и местной прессой. О его визите в Эстонию писали обе ведущие газеты того времени – *Postimees* и *Päevaleht*, а также студенческая *Üliõpilasleht*. Газета *Päevaleht* поместила на своих страницах большую статью «О пробуждении финно-угорских народов в России (беседа с зырянским магистром В. Лыткиным)» с фотографией ученого (02.01.1927).

Вероятно, примерно такая же программа могла ожидать здесь и Кузубая Герда, если б он воспользовался приглашением эстонских коллег...¹⁸

Ю. Марк является автором ряда научных работ, увидевших свет на страницах разных журналов и других изданий. В рамках его контактов с К. П. Гердом особый интерес представляет статья «Некоторые черты развития черемис, вотяков, зырян и мордвы после 1917 года», опубликованная в журнале „Eesti kirjandus“ [19]. Помимо небольшого историко-этнографического экскурса и обзора экономического и демографического состояния молодых финно-угорских автономий, в статье содержится богатый фактологический материал о развитии литератур, периодической печати и школьного образования на национальных языках в Удмуртской, Марийской и Коми-Зырянской автономиях и у мордвы, показывающий как осведомленность и глубокий интерес ученого к национальным движени-

приглашено в Тарту два представителя ливского народа. В 1922 г. была предоставлена стипендия для обучения в Тартуском университете ингерманландцу В. Муурметсю и в 1923 г. вожанину Д. Цветкову, за свое обучение они должны были составить соответствующие словари [16. Lk. 47].

¹⁷ Исследовательскую поездку Ю. Марка в СССР с целью изучения мордовских языков финансировало Финно-угорское общество в Хельсинки, выделив ему 10000 финских марок [26. S. 47].

¹⁸ Как известно, К. П. Герд не был за границей, хотя таких возможностей у него было несколько. В своем письме наркому И. А. Наговицыну от 12.01.1924 г. он сообщает: «Есть возможность ныне весной уехать за-границу. Буду доканчивать свое образование» [4. Ф. 16. Д. 1030]. В 1926 г., когда можно было воспользоваться приглашением эстонцев, Герд был уже отозван из Москвы в Удмуртию, с этого времени начинаются политические трения между ним и местными властями [1. С. 55].

ям России, так и его озабоченность за судьбы финно-угорских автономий. «Во сколько обратится и как долго продлится автономия марийцев, удмуртов и коми, покажет будущее. Пока же и сегодня частично чувствуется, что она существует только на бумаге. “Товарищи на местах” не всегда хотят исполнять стремления центральных властей, и национальное давление продолжается. <...> Вероятно, эти “непонятности” будут отстранены, по крайней мере, частично. Что же останется в суматохе времен, так это просветительная работа, результаты которой уже глубоко проникли в жизнь названных народов. В этом плане коммунистическая Россия, несомненно, оказалась намного лучше, независимо, каких целей в том или ином случае добивалась» [19. Lk. 202].

Делая обзор культурно-просветительной и литературной деятельности среди удмуртов, Ю. Марк называет М. Можгина и его поэму «Беглец», а также К. Герда (при этом следует отметить, что это и есть две фамилии на всю статью, из литераторов других национальностей никто отдельно не указан): «Крупнейшим вотяцким поэтом считается К. Герд. Его песни тепло приняты народом, стали народными песнями; он известен не только своему народу, но и переведен на зырянский, башкирский, русский и др. языки. В качестве примера ниже дословный перевод одного из его стихотворений): *Ümber-ringi metsad, tumesinised salad. / Sood ja ojad, lõpmata rabad, / Jällegi metsad, aga nende taga põllud, / Aasad, nende üksteisega häälitsevad kured. / Kuskil kurblikult heliseb kelluke, / Tuul rukkis kahiseb üksluiselt, / Taevas värisevad tähed, põldudel pole hinge – / Votjakid nagu ussikesed on vaiki jäänud mudas... / Oh, siin ei rõõmusta miski südant, / Ei miski rõõmusta ka silma! / Ainult kuuled, kuis ägavad külad. / Isegi põlised laaned õhkavad» [19. Lk. 195-196]¹⁹ – по всей видимости, это первый перевод стихотворения Кузубая Герда на эстонский язык. Кроме того, и свой обзор он начинает, цитируя Герда о том, что царское правительство вспоминало удмуртов только тогда, когда надо было платить налоги и посылать рекрутов.*

Нам неизвестно, когда и при каких обстоятельствах завязались контакты между Гердом и Марком, но сохранились письма, адресованные эстонским профессором удмуртскому поэту. Так, в 1925 г. Ю. Марк в письме отмечал: «...К вам обращаюсь как отличному знатоку вашего родного языка за советом» [1. С. 9]. В письме Герду, написанном в апреле 1928 г., он сообщает о вышеназванной статье и переводе его стихотворения; 28 апреля 1930 г. дает знать, что получил его посылки, причем последнюю – «Гондырьёс» – в конце прошлого 1929 г. (значит, посылок было несколько!), и задает ряд вопросов по издаваемой литературе и периодике на удмуртском языке [1. С. 67-68]. Содержание всех трех писем лаконичное, уважительно-деловое.

Не исключено, что Ю. Марк и К. П. Герд были знакомы не только по переписке, – такая возможность была, например, в декабре 1928 – начале февраля 1929 г., когда оба находились в Москве. Создавая логическую цепочку из приведенных фрагментов, никак не хочется верить, что Герд, бывший в то время аспирантом Института народов Востока (по свидетельству В. И. Лыткина, именно здесь выступал с докладом Ю. Марк) и тесно связанный по работе в Центральном музее народоведения с этнографом мордовского происхождения М. Т. Маркеловым, остался в неведении о приезде эстонского коллеги в Москву. Своего рода подтверждением этого предположения является цитата из обвинительного заключения по Делу «СОФИН» относительно Маркелова (хотя дата опять-таки не совпадает): «В 1930 г. Маркелов устраивает нелегальное собрание блока на квартире аспиранта Абузова с участием прибывшего из Эстонии в СССР проф. Марка. Проф. Марк информировал присутствующих (Герда, Маркелова, Бондякова, Абузова, Кармазина) о наличии за границей проекта создания северных штатов в составе Эстонии, Финляндии и всего Севера СССР до Урала, с центром в Ленинграде и договаривается с блоком о его помощи в деле пропагандирования среди восточно-финских национальностей этого проекта и о дальнейшей координации совместных действий» [3. С. 237].

¹⁹ Оригинал стихотворения Кузубая Герда «Кам ёросын» был напечатан в сборнике «Крезьчи»: Тэльёс, бадзымесь тэльёс, / Шурьёс, ноку но быронтэм тыос. / Нош ик тэльёс, оломар пасьятеьс бусыос, / Учкыса йырез пормытйсь возьёс. / Олокытын гырлы мёзмыса жингыртэ, / Зегьёс пёлын огназ тэль чаштыртэ. / Иньёсын дырекьяса, кизилиос жуало, / Гуртьёсын, нумырьёс кадь, калыкьёс уло. / Татын сюлэмез номыр уг лйяты, / Мылкыдэз номыр уг капчяты; / Кыдёкын гинэ гуртьёс лулзыло, / Тэльёс куашетыса котырез сайкато. Чал-чал котыр... / Нунал пурьсытамын... / Одыг Кам гинэ ярдурьёсаз жугиське, / Ургетыса пазяське, шундыё нунал курыса кесяське! / Стихотворение приведено по: *Gerd Kuzebai / Герд Кузубай. Olen udmurt / Мон – удмурт (koostanud ja udmurdikeelse teksti toimetanud Nadezda Pchelovodova). Sari «Väikeste rahvaste suur kirjandus». Kirjastuskeskus, 2009. С. 18.*

Переписка Кузубая Герда с Юлиусом Марком, несомненно, была для ОГПУ одной из причин для того, чтоб имя последнего было внесено в список членов СОФИН. В «пользу» ОГПУ играла также и активная общественная деятельность эстонского ученого, стоявшего у истоков национальной науки и внесшего вклад в развитие финно-угорского культурного сотрудничества.

Резюмируя, можно сказать, что длительный процесс формирования отечественных финно-угорских исследований достиг в первой трети XX в. той стадии, когда ценность народной культуры и значимость ее научного изучения была осознана самими российскими финно-уграми, когда из среды вчерашних просвещаемых выделились просветители, для которых этнография стала тем средством, с помощью которого можно было заявить о себе миру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ермаков Ф. К.* Кузубай Герд (жизнь и творчество). Ижевск, 1996.
2. *Загребин А. Е., Куликов К. И.* Советское финно-угроведение 1920-х – начала 1930-х гг.: первые действия и противодействия // Проникновение и применения дискурса национальности в России и СССР в конце XIX – начале XX в. / ред. И. Яатс, Э. Таммиксаар. Тарту, 2011. С. 147-163.
3. *Куликов К. И.* Дело «СОФИН». Ижевск, 1997.
4. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР).
5. *Шкляев А. Г.* Кузубай Гердлы ыстэм гожтэтыёс // Советской Удмуртия. 1991. 3 июля.
6. *Alvre P.* Julius Mark xpetlasena ja teadustöe organiseerijana // Keel ja kirjandus. 1990. № 3. Lk. 129-135.
7. *Ariste P.* Julius Mark surnud // Keel ja kirjandus. 1959. № 6. Lk. 383-384.
8. *Ariste P.* Julius Mark pedagoogina ja xpetlasena // Keel ja kirjandus. 1987. № 11. Lk. 676-679.
9. *Deemant K.* Taarausuliste liikumisest. Koostaja K. Deemant (võistlustöö, 4.IV.83. 105 lk. Tallinn, 1983) // Eesti Rahva Muuseumi arhiiv, korrespondentide vastused 640. Lk. 116-220.
10. *Jaanson K.* Vaimukangelane unustuse hõlmast // Maaleht. 10.04.2003.
11. Eesti avalikud tegelased. Eluloolisi andmeid / Toim. R. Kleis. Eesti Kirjanduse selts Tartus, 1932.
12. Eesti bibliograafilise leksikoni täiendkõide. Akadeemilise Ajaloo-Seltsi Toimetised X. Tartu-Tallinn, 1940.
13. Eesti Entsüklopeedia V / Peatoimkond R. Kleis – peatoimetaja, P. Treiberg, J. V. Veski. K./Ü. „Loodus“, Tartu, 1935.
14. Eesti Rahva Muuseum EAV 7/2. Curriculum vitae. Ärakiri.
15. *Foucault M.* Tõde ja võim. Intervjuu Alessandro Fontana ja Pasquale Pasquinoga. (Tõlkinud Hasso Krull) // Vikerkaar. 1992. № 11. Lk. 31-49.
16. *Kask A.* Ülevaade AES-i kahekümneaastasest tegevusest // Eesti keel. 1940. № 1-2. Lk. 34-49.
17. *Kurrik H. E. R.* Muuseumile. Aruanne A. Põrga kogude ülevaatusel. Ärakiri. Kahel lehel. 1935 – ERMA 158.
18. *Lõtkin V.* Vassili Lõtkini päevikumärkmed Eestist 1926. (Komi keelest tõlkinud ja kommenteerinud Adolf Turkin) // Keel ja kirjandus. 1987. № 5. Lk. 304-308.
19. *Mark J.* Mõned jooned tšeremisside, votjakiet [votjakite], sürjanite ja mordvalaste käekäigust peale 1917. Aastat // Eesti kirjandus. 1925. 5. Lk. 187-203.
20. *Mark J.* Kertomus Venäjän-matkastani 1928-1929 // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1932. Vol. 45. S. 47-48.
21. In memoriam perpetuam... V.O.15.IV.1933 // Õpetajate leht. 1933. 28 aprill.
22. *Linnus F.* Omakultuuri harrastuste olevikust ja tulevikust. “Eesti Üliõpilaste Seltsi XI albumist”. – Sõjaeelse Eesti esseistika ja kirjanduskriitika. 8/arhiiv. 2012 [1940]. URL: <http://www.kirjandusarhiiv.net/?p=1394> (дата обращения: 03.09.2013)
23. Päevaleht. 13.04.1933.
24. *Raun. A.* Prof. Julius Mark 50-aastane // Eesti keel. 1940. № 3/4. Lk. 70-71.
25. *Sillaste A.* Tartu esimene eestlaste spordiselts Taara // Sport & Muuseum. Eesti Spordimuuseumi perioodiline väljaanne. 2012. № 1. Lk. 3-17.
26. Suomalais-ugrilaisen Seuran vuosikertomus v. 1928 // Journal de la Sociéty Finno-ougrienne. 1930. Vol. 44. S. 41-53.
27. Taara pulmad tulemas // Vaba maa. 1928. 11 sept.
28. *Vakker T.* Rahvusliku religiooni konstrueerimise katsed 1920-1930. aastate Eestis – taara usk // Mäetagused. 2012. № 50. Lk. 175-198.

S. Karm, A.E. Zagrebin

KUZEBAI GERD AND HIS ESTONIAN CORRESPONDENTS

The history of the Finno-Ugric countries and regions in the 1920s – 1930s is characterized by establishing of sovereign States (Finland, Estonia, Hungary) and the Soviet national-territorial autonomy. There were on one hand the increasing of activities in researching the history and culture of these peoples, on the other – a period of political repression in the USSR concerning also the Finno-Ugric scientists and leaders of national movements. One of the first trials was framed up in the Nizhny Novgorod in the case of «SOFIN» (Union for liberation of Finnish peoples in 1932-1933), also known as a Case of Kuzebai Gerd.

The author deals with the biographies of Estonian scientists and public figures appearing in the forensic investigation materials and being in correspondence with K.P. Gerd. Without defining the goal of a more intensive research of the details of the case of «SOFIN», the authors consider the questions of scientific publications in the period between two world wars. Personal stories of scientists are considered in the context of discourse of science and authority.

Keywords: K. P. Gerd, A. Põrk, J. Mark, correspondence, Finno-Ugric studies, Udmurt Republic, Estonia, Case of «SOFIN».

Карм Светлана, научный сотрудник
Эстонский национальный музей
51014, Эстония, г. Тарту, ул. Вески, 32
E-mail: Svetlana.Karm@erm.ee

Karm Svetlana, Research Associate
Estonian National Museum
51014, Estonia, Tartu, Veski st., 32
E-mail: Svetlana.Karm@erm.ee

Загребин Алексей Егорович, директор
Удмуртский институт истории, языка
и литературы УрО РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: adm@udnii.ru

Zagrebin A.E., Director
Udmurt Institute of History, Language
and Literature UB of the RAS
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosova st., 4
E-mail: adm@udnii.ru